

А.Н. Гиляров

**Предсмертные мысли XIX
века во Франции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А11 **А.Н. Гиляров**
Предсмертные мысли XIX века во Франции / А.Н. Гиляров – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 673 с.

ISBN 978-5-458-54635-5

ISBN 978-5-458-54635-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

бѣжныя при ея точномъ воспроизведеніи, оставлены неизмѣненно несглаженными. Широта кругозора при изображеніи и оцѣнкѣ направленій возведена въ руководящее правило. Каждая мысль, насколько возможно, представлена и освѣщена съ различныхъ точекъ зрѣнія. Такая разносторонность должна быть выгодна для дѣла, но не выгодна для автора, такъ какъ можетъ дать поводъ заподозрѣвать противорѣчія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ.

Очеркъ былъ первоначально напечатанъ въ 1897 году въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“ и теперь настолько измѣненъ и дополненъ, что старое составляетъ лишь его малую часть. Не смотря на его значительный объемъ, онъ далеко не исчерпываетъ ни вопроса, ни даже того матеріала, который былъ для него собранъ. Полный очеркъ долженъ былъ бы обнимать нѣсколько томовъ, подобныхъ настоящему. Тѣмъ не менѣе все важное въ послѣднемъ дано, и второстепенныя подробности, сколь сами по себѣ ни интересныя, послужили бы въ ущербъ выразительности общей картины.

Оглавленіе.

I. Переломъ	Стр. 1— 25
II—III. Причины разочарованія . . . „	26— 54
IV. Приниженіе любви „	55— 85
V. Отрава мыслью „	86—144
VI. Тщета искусства „	145—158
VII. Разложеніе политическихъ и общественныхъ идеаловъ . . „	159—214
VIII—IX. Подрывъ религіознаго и нрав- ственного чувства „	215—402
X. Жажда вѣры „	403—488
XI. Оккультизмъ „	489—516
XII. Мистицизмъ „	517—549
XIII. Символизмъ „	550—611
XIV. Черты декадентства „	612—636
XV. Пути къ выходу „	637—663

I.

Франція всегда чутко отзывалась на всѣ просвѣтительныя движенія, а послѣдніе два вѣка неизмѣнно стояла въ ихъ главѣ. Всѣмъ извѣстно, съ какой горячей вѣрой въ могущество разума и благородство человѣческой природы выступилъ въ концѣ восемнадцатаго и началѣ девятнадцатаго вѣка французскій народъ на просвѣтительное поприще. Эта горячая вѣра сказала не въ одной только тревожной и богатой событіями политической исторіи, но и въ плодотворной научной и литературной жизни. И настолько близки выдвинутыя французскимъ народомъ просвѣтительныя идеи всѣмъ и каждому, что нашли всюду, куда проникли, сочувственный отзывъ и принесли обильную жатву. Современная духовная культура въ ея наиболѣе цѣнныхъ элементахъ есть по преимуществу созданіе великихъ движеній во Франціи въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ вѣкахъ. Теперь, когда девятнадцатый вѣкъ пришелъ къ концу, любопытно посмотрѣть, что случилось съ этой вѣрой, которая столь бодро подвигала на просвѣтительную борьбу лучшіе умы

во Франціи,—окрѣпла ли она и созрѣла, или, слѣдуя за отошедшимъ вѣкомъ, одряхлѣла и смѣняется новой?

За отвѣтомъ на этотъ вопросъ мы обратимся къ литературѣ, которая издавна признается отраженіемъ жизни, но не къ такимъ мыслителямъ, къ которымъ прислушиваются немногіе, а къ авторамъ, увлекающимъ за собою тысячи, такъ какъ, на сколько можно судить объ общественномъ настроеніи по литературнымъ произведеніямъ, только произведенія такихъ авторовъ могутъ служить камертономъ настроенія современной Франціи.

Уловить основную ноту этого камертона не трудно. Она звучитъ ясно и отчетливо: *Франція въ отошедшемъ вѣкѣ утратила всякую вѣру, она жаждетъ ея, ищетъ и нигдѣ не находитъ.*

Беликія идеи, руководившія просвѣтительнымъ движеніемъ девятнадцатаго вѣка, общеизвѣстны: свобода, равенство, братство. Нигдѣ онѣ не принесли такого благодарнаго плода, какъ въ ихъ главномъ очагѣ—Франціи. Нигдѣ мысли и слову не дана такая свобода, какъ въ этой странѣ. Говоря словами французскаго національнаго поэта, французскій народъ гнѣвной рукой развязалъ слово, зная, что кто развязываетъ слово, тотъ освобождаетъ мысль ¹⁾. Современная разнохарактерная, разнузданная до

¹⁾ V. Hugo, Réponse à un acte d'accusation (Contemplations).

непристойности французская литература, столь часто поносимая, есть на дѣлѣ показатель великихъ принциповъ. Гдѣ люди свободны другъ отъ друга и отъ предразсудковъ, тамъ незначѣмъ стѣсняться въ словѣ; гдѣ всѣ равны, тамъ равноправенъ всякій языкъ, аристократическій не менѣе, чѣмъ демократическій; да и какая можетъ быть принужденность въ бесѣдѣ между братьями? По мысли политическаго строя современной Франціи, весь великій французскій народъ составляетъ одно тѣло и одну душу. Различныя партіи—лишь различные органы этого политическаго существа, различныя мнѣнія—различныя его мысли. И если свобода дорога всякому организму, какъ необходимое условіе правильнаго его развитія, то тѣмъ дороже она для Франціи, купившей ее цѣною такихъ жестокихъ бурь и тяжелыхъ жертвъ. Или, какъ выражается Зола, въ глазахъ французскаго народа „рушится все, какъ скоро становится несостоятельной идея свободы, какъ скоро свобода перестаетъ быть единственнымъ основаніемъ республики, которую онъ купилъ такъ дорого, такимъ долгимъ усиліемъ“ ¹⁾.

Эту свободу можно прослѣдить во всѣхъ областяхъ французской духовной жизни.

¹⁾ Paris, p. 350.

„Революція (говорить В. Гюго) ¹⁾ звучить теперь въ воздухѣ, въ голосѣ, въ книгѣ. Читатель чувствуетъ ея жизнь въ трепетномъ словѣ. Она кричитъ, она поетъ, она поучаетъ, она смѣется; ея языкъ такъ же развязенъ, какъ и мысль. Въ романѣ она тихо бесѣдуетъ съ женщинами. Она зорко смотритъ своими огненными глазами, однимъ на гражданина, другимъ—на мыслителя. Она беретъ за руку свою сестру, свободу, и заставляетъ ее проникать въ каждого человѣка чрезъ всѣ его поры. Предразсудки, выросшіе подобно коралламъ изъ темной груди вѣковыхъ злоупотребленій, распадаются подъ ударомъ волнующихся словъ, полныхъ ея воли, ея цѣли, ея души. Она въ прозѣ, она въ стихахъ, она въ театрѣ; она—выраженіе, она—чувство, фонарь на улицѣ и звѣзда на небѣ. Она проникаетъ въ неизмѣримыя глубины языка. Она заявляетъ о себѣ въ искусствѣ, этомъ громогласномъ рупорѣ. Волею Божіей она, наполнивъ своею гордынею народъ, сгладивъ старыя морщины на его челѣ, поднявъ униженную толпу и сдѣлавшись правомъ, теперь стала идеей“.

Она стала (говоря словами Токвиля) „въ нѣкоторомъ родѣ новой религіей, правда, религіей несовершенной, безъ Бога, безъ культа, безъ будущей

¹⁾ Hugo, тамъ же.

жизни, но которая тѣмъ не менѣе... наводнила всю землю своими воинами, своими апостолами и своими мучениками" ¹⁾).

Но ни въ одной области французской духовной жизни революціонные отзвуки не сказались столь отчетливо, какъ въ такъ называемой изящной литературѣ. Историкъ французской литературы могъ бы нарисовать живую и разнообразную картину этихъ отзвуковъ отъ первыхъ проблесковъ революціоннаго сознанія и до нашихъ дней. И еслибы онъ былъ объективенъ, то долженъ былъ бы признать, что настоящее время—время перелома, когда старые идеалы продолжаютъ еще дѣйствовать силою затаеннаго въ нихъ великаго толчка, но уже утратили животворящее значеніе. Ясно чувствуется, что они исполнили свою задачу, такъ сильно завладѣли почвой, что старое терніе на-ряду съ ними прорасти не можетъ. Но тогда какъ въ разгаръ борьбы со старымъ началомъ они настолько наполняли собой духовное существо французскаго народа, что подавили всѣ остальные его духовныя силы, съ тѣхъ поръ какъ опасность со стороны противодѣйствующаго начала ослабла или миновала, эти идеалы стали общимъ мѣстомъ, а подавленные ими силы тревожно рвутся къ жизни.

¹⁾ Oeuvres complètes, IV, p. 19. F. Brunetière, Discours de combat (1900), p. 305.

Великія идеи свободы, равенства, братства были, какъ всѣмъ извѣстно, подсказаны разуму главнымъ образомъ *внѣшними* соціальными и политическими условіями и ставили цѣлью *внѣшнее* благоденствіе человѣка, основанное на принципахъ разума. *Человѣкъ внутренній* со всѣми своими чувствами, вѣрованіями, мечтами, чаяніями и желаніями не только не былъ удовлетворенъ, но былъ отвергнутъ, какъ опора стараго, неразумнаго начала ¹⁾. Теперь этотъ *внутренній человѣкъ* пробуждается и проситъ пищи, и тѣмъ настоятельнѣе, что слишкомъ долго безъ нея оставался. Но гдѣ взять этой пищи, когда старое потоптано и уничтожено, а новое еще не создано?

Въ концѣ девятнадцатаго вѣка (говорить одинъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ французскихъ мыслителей) „мысль потеряла спокойствіе, сдѣлавшееся, повидимому, ея естественнымъ состояніемъ. Съ нѣкотораго времени въ ней обнаруживаются два теченія, которыя идутъ въ противоположномъ направленіи и не перестаютъ ее волновать, не потрясая пока въ глубинѣ. Съ одной стороны ученые, возвратившись къ естественной вѣрѣ въ разумъ подъ живымъ впечатлѣніемъ его могучихъ научныхъ обобщеній и глубоко убѣжденные (хотя этого и не говорятъ) въ томъ, что разумъ есть единственная духовная сила будущаго, прини-

¹⁾ Ср. гл. VIII.